

Н.В. Водовозов

Р. Мальтус

**Его жизнь и научная
деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н11

Н11 **Н.В. Водовозов**
Р. Мальтус: Его жизнь и научная деятельность / Н.В. Водовозов – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 94 с.

ISBN 978-5-458-23177-0

Биографический очерк Н. В. Водовозова. С портретом Мальтуса, гравированным в Лейпциге Геданом.

ISBN 978-5-458-23177-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Книги и люди имѣютъ свою судьбу. И какъ подчасъ жестока, какъ трагична бываетъ эта судьба!.. Ученый экономистъ, трудолюбивый изслѣдователь, провозвѣстникъ нѣсколькихъ истинъ, которыми можетъ гордиться наука, Мальтусъ для большой массы читающей публики служить не то какимъ-то пугаломъ, не то мишенью для насмѣшекъ. Съ именемъ его въ обществѣ тѣсно связано представленіе... объ абортивныхъ средствахъ. Во Франціи можно часто встрѣтить кличку «мальтузіанка» въ примѣненіи къ жуирующей дамѣ высшаго круга, не желающей себя обременять потомствомъ. Что же, и въ самомъ дѣлѣ Мальтусъ давалъ рецепты противъ невольныхъ послѣдствій жуировація, и въ самомъ дѣлѣ его главной заботой было открыть предупредительное средство противъ дѣторожденія? Ничуть не бывало, ни одного слова объ этомъ мы не находимъ въ сочиненіяхъ Мальтуса. Но въ такомъ случаѣ какое-же отношеніе находятъ такъ называемые «мальтузіанцы» и «мальтузіанки» къ автору «Опыта о народонаселеніи»? Точно такое-же, какъ «дарвинистъ» Поль Астье (изъ драмы Додэ) къ знаменитому англійскому біологу или «детерминистъ», герой романа Бурже «Ученикъ», — къ философу-историку Тэню...

Нравственные принципы и правила поведенія люди не вычитываютъ изъ книгъ, они ихъ составляютъ сами, подъ вліяніемъ столкновеній съ дѣйствительною жизнью. Но у насъ есть потребность приклеивать къ убѣжденіямъ ярлыки, давать людямъ извѣстныя клички. И вотъ эти-то ярлыки, эти клички мы и заимствуемъ изъ «умныхъ книжекъ», заимствуемъ иногда неудачно, заимствуемъ изъ книгъ, которыхъ даже не читали, просто лишь по наслышкѣ.. Отсюда получаютъ удивительные курьезы: Дарвинъ оказывается отвѣтственнымъ за парижскихъ искателей приключеній, Тэнъ — за психопатовъ, Мальтусъ — за дамъ полусвѣта!

Однако, кромѣ такихъ *насилъственныхъ*, навязанныхъ Мальтусу учениковъ, у него есть ученики и вполне добровольные, компрометирующие его не менѣе первыхъ. Такіе «ученики» имѣютъ одну,

всѣмъ имъ свойственную черту: имъ нѣтъ дѣла до научныхъ основъ ученія Мальтуса, они берутъ только его практическіе выводы, и то не всѣ, а лишь нѣкоторые, пригоняютъ ихъ такъ или иначе къ собственному міросозерцанію и затѣмъ изготовленную такимъ образомъ одностороннюю, фальшивую доктрину приписываютъ автору «Опыта о народонаселеніи». Въ Англіи и во Франціи существуетъ два разныхъ преобладающихъ типа мальтузіанцевъ. На родинѣ Мальтуса, уже послѣ его смерти, образовался цѣлый кружокъ лицъ, объединенныхъ той идеей, что, такъ какъ естественный приростъ населенія грозитъ человѣчеству страшными бѣдствіями, обязанность каждаго—по возможности воздерживаться отъ произведенія на свѣтъ большого потомства. Требованіе это находится еще въ извѣстномъ согласіи съ ученіемъ, развитымъ въ «Опытѣ о народонаселеніи», но наши мальтузіанцы идутъ далѣе самого Мальтуса. Такъ какъ, говорятъ они, главное заключается въ томъ, чтобъ населеніе не слишкомъ размножалось,—въ сущности довольно безразлично, какими средствами достигается эта важная цѣль. И они придумали цѣлый рядъ средствъ,—такихъ, о которыхъ въ сочиненіяхъ общаго характера не принято даже говорить. *Нравственное* воздержаніе Мальтуса превратилось у его учениковъ въ *безнравственное*...

Преобладающій типъ французскихъ послѣдователей Мальтуса имѣетъ своеобразный оттѣнокъ. Въ то время, какъ мальтузіанцы въ Англіи говорили о «нравственномъ долгѣ *каждаго*», объ обязанностяхъ «индивида передъ обществомъ», мальтузіанцы во Франціи нѣсколько сѣзуили кругъ лицъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, обязательно обрекать себя на воздержаніе. Людямъ богатымъ стѣсняться нечего, но бѣднымъ... Жениться, когда не можешь содержать семью, развѣ это не возмутительно?! Вотъ въ этомъ-то, въ неводержности, въ беззаботности, съ которой бѣдняки обзаводятся семьями,—и заключается, по мнѣнію нѣкоторыхъ французскихъ экономистовъ, причина ихъ особенной нищеты, причина того, что они не могутъ подняться на высшую ступень общественной лѣстницы. Недаромъ и самое слово—пролетарій, происходя отъ латинскаго слова *proles*, означаетъ столько-же «бѣдный», сколько и «наклонный къ размноженію», «плодливый». И такъ, заключаютъ наши мальтузіанцы, вся нищета въ современномъ намъ строѣ происходитъ отъ чрезмѣрнаго размноженія низшихъ классовъ; весь соціальный вопросъ заключается въ томъ, какъ бы привить пролетаріямъ привычку къ самообузданію и аскети-

ческое отношеніе къ любви и къ браку. Едва-ли нужно говорить о всей жестокости такого совершенно своеобразнаго экономическаго *матеріализма*, согласно которому только деньгами покупается право на любовь и семейное счастье...

Опредѣлить съ полной точностью ту долю вреда, которую принесли Мальтусу въ общественномъ мнѣніи французскіе и англійскіе его ученики, конечно невозможно, но мы склонны думать, что болѣе половины тѣхъ постоянныхъ нареканій въ *жестокости* и *безнравственности*, которыя всегда въ такомъ изобиліи расточаются по адресу Мальтуса, обязаны своимъ происхожденіемъ не «Опыту о народонаселеніи», а уже позднѣйшимъ вольнымъ его толкованіямъ и комментаріямъ. Обвинять Мальтуса въ безнравственности—значить обнаруживать прямо свое незнакомство съ «Опытомъ о народонаселеніи». Быть можетъ высшая мораль, мораль будущаго, дѣйствительно не вполне согласуется съ нравственными принципами англійскаго мыслителя, но та ходячая, будничная мораль, съ точки зрѣнія которой Мальтуса забрасывали грязью, «Опытомъ о народонаселеніи» рѣшительно не можетъ почитаться затронутой. Болѣе основанія имѣютъ объясненія въ жестокости, хотя и тутъ, повторяемъ, надо отдѣлать взгляды самого Мальтуса отъ всѣхъ позднѣйшихъ наслоеній и приклеекъ его учениковъ. Ученіе Мальтуса безотрадно, но надо показать, что оно ложно, иначе чѣмъ же виноватъ изслѣдователь, вскрывающій язвы общественной жизни? развѣему, а не самой жизни обязанъ онъ своимъ существованіемъ? Выводы, которые Мальтусъ дѣлаетъ изъ своихъ теоретическихъ посылокъ, подчасъ дѣйствительно жестоки, но надо показать, что выводы эти сдѣланы неправильно, иначе какое значеніе могутъ имѣть всѣ наши жалобы?

Вотъ тѣ соображенія, по которымъ, знакомя читателей съ Мальтусомъ, мы совершенно отрѣшились отъ той ходячей *моральной* оцѣнки, которая, по нашему мнѣнію, только вредитъ пониманію высказанныхъ этимъ экономистомъ идей. Вообще мы старались возможно полнѣе и возможно ближе къ подлиннику изложить взгляды Мальтуса,—писателя, всѣмъ извѣстнаго по имени, но мало кому извѣстнаго по его сочиненіямъ. Чтобы изобразить міровоззрѣніе Мальтуса во всей его полнотѣ, мы считали необходимымъ, не ограничиваясь обзорѣмъ одного «Опыта о народонаселеніи», обратиться и къ другимъ, мало извѣстнымъ его сочиненіямъ («Основанія политической экономіи», «Опредѣ-

ленія въ политической экономіи», «Природа и возрастаніе ренты»). Такимъ образомъ ученію Мальтуса о народонаселеніи мы предпослали изложеніе его общихъ экономическихъ взглядовъ, весьма любопытныхъ самихъ по себѣ и въ то же время находящихся въ полной гармоніи и уясняющихъ намъ ту доктрину, изображенію которой посвященъ и «Опытъ о народонаселеніи». Быть можетъ для иныхъ, незнакомыхъ съ политической экономіей читателей эта глава (вторая), гдѣ мы трактуемъ о взглядахъ Мальтуса на прибыль, ренту и заработную плату, гдѣ говорится объ опредѣленіяхъ экономическихъ понятій и излагается его ученіе о фондѣ заработной платы, о кризисахъ и т. под., покажется черезчуръ спеціальной и трудной, хотя мы и сдѣлали все отъ насъ зависящее, чтобы придать изложенію наиболѣе популярный характеръ. Въ такомъ случаѣ читатели пускай пропустятъ всю обще-экономическую главу и обратятся прямо къ нетребующему никакой спеціальной подготовки народонаселенческому ученію Мальтуса. Тутъ они найдутъ сначала историческій обзоръ тѣхъ взглядовъ на народонаселеніе, которые господствовали до Мальтуса, въ древности, въ средніе вѣка и въ наше время. Такой обзоръ считаемъ мы вполне необходимымъ для уясненія того значенія, которое «Опытъ о народонаселеніи» получилъ въ наукѣ и въ жизни. Не утруждая читателей разборомъ всѣхъ замѣчаній, предъявленныхъ многочисленными критиками «Опыта», мы постарались лишь доказать, въ какой степени аргументы противниковъ Мальтуса колеблютъ его ученіе. По нашему критическому очерку читатели, надѣемся, будутъ имѣть возможность судить, чтó именно изъ этого ученія сдѣлалось уже достояніемъ прошлаго и чтó, переживъ критику исторіи, осталось непоколебимымъ вплоть до настоящаго времени.

Мы льстимъ себя надеждой, что, каковы бы ни были недостатки вашей работы, читатели изъ нея познакомятся не съ тѣмъ мнимымъ, фантастическимъ Мальтусомъ, который такъ часто служилъ мишенью для нападокъ и для насмѣшекъ якобы читающей публики, который вызывалъ столь неосновательныя объясненія въ безнравственности и столь преувеличенныя жалобы по поводу своей жестокости, но съ Мальтусомъ настоящимъ, реальнымъ, съ великимъ экономистомъ, обогатившимъ науку весьма замѣчательными изслѣдованіями и прямо, можно сказать, создавшимъ ученіе о народонаселеніи, до того времени не существовавшее и сохранившееся въ своихъ основныхъ чертахъ неизмѣннымъ даже до нашихъ дней.

Г Л А В А I.

Отецъ и родина Мальтуса.—Первые воспитатели.—Кѣмбриджъ.—Начало литературной дѣятельности.—«Опытъ о народонаселеніи», его успѣхъ.—Путешествія.—Годы учительства.—Друзья, литературные противники.—Характеръ Мальтуса и отзывы окружавшихъ его.

Задача біографа Мальтуса не изъ особенно благодарныхъ. Не то, чтобы жизнь и характеръ автора знаменитаго «Опыта о народонаселеніи» не представляли никакого интереса для современниковъ, не то, чтобы наши свѣдѣнія о немъ были ужъ слишкомъ скудны (хотя они дѣйствительно не отличаются большой полнотой), но дѣло въ томъ, что трудно представить себѣ жизнь болѣе однообразную и въ такой степени лишенную движенія и внѣшнихъ событій, какъ та, которую велъ Мальтусъ. Кабинетный ученый, священникъ и профессоръ, онъ съ ранней молодости и до конца своихъ дней занимался однимъ и тѣмъ-же: учился и училъ другихъ. Всѣ его интересы, всѣ помыслы и наслажденія сводились къ этому главному пункту; единственными внѣшними вѣхами его внутренней жизни являются для насъ его работы. Пусть же читатель не удивляется, что въ книжкѣ, посвященной біографіи Мальтуса, онъ найдетъ сравнительно мало чисто біографическаго элемента и, наоборотъ, такъ много объ его сочиненіяхъ. Иначе мы не сѣмъли бы оцѣнить по заслугамъ значеніе человека, котораго творенія принадлежатъ всему міру, а жизнь—небольшому кругу юныхъ учениковъ и друзей.

О предкахъ Мальтуса свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что одинъ изъ нихъ, Франсисъ, а другіе говорятъ Томасъ Мальтусъ, издалъ въ 1629 году на французскомъ и на англійскомъ языкахъ сочиненіе: «Фейерверки, фортификація и ариметика». Это намъ даетъ поводъ отмѣтить въ семьѣ литературныя традиціи, поддержанныя отцомъ Мальтуса и переданныя сыну какъ бы по наслѣдству. Къ характеристикѣ отца и сводится въ сущности все, что мы знаемъ о родителяхъ Мальтуса. Что же касается матери,

то о ней біографы хранить упорное молчаніе; она повидимому сходить рано въ могилу, не оказавши на сына никакого замѣтнаго вліянія. Скажемъ здѣсь кстати, что воспитаніе Мальтуса было вѣрено однѣмъ мужскимъ рукамъ, вліяніе женскаго элемента не коснулось его ни въ равнемъ дѣтствѣ, ни позднѣе. Первымъ и главнымъ воспитателемъ Мальтуса, сыгравшимъ не малую (хотя и довольно странную) роль въ его жизни, былъ безъ сомнѣнія его отецъ; на его типичной, любопытной фигурѣ намъ слѣдуетъ остановиться здѣсь немного дольше.

Даніель Мальтусъ родился въ 1730 г. Свое образованіе онъ получилъ въ Королевскомъ колледжѣ въ Оксфордѣ, который оставилъ въ 1747 г., не приобрѣтя ни диплома, ни степеней. Это произошло не по недостатку средствъ, какъ полагали сначала иные біографы, потому что онъ былъ человѣкомъ состоятельнымъ, и не вслѣдствіе его религіознаго свободомыслія, потому что при матрикуляціи онъ подписалъ требуемое заявленіе о своей принадлежности къ государственной церкви, — причина этого лежала въ томъ, что онъ совершенно не дорожилъ никакими внѣшними отличіями. Оставивъ университетъ, онъ не оставилъ дѣло своего образованія; окруженный друзьями изъ литературнаго міра, Даніель Мальтусъ много читалъ, а затѣмъ и самъ сталъ пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Какъ хорошему знатоку французской и нѣмецкой литературы, ему долгое время приписывался англійскій переводъ «Поля и Виржини» и «Страданій молодого Вертера». Однако новѣйшій біографъ Мальтуса, Бонаръ, опровергаетъ это и говоритъ, что онъ писалъ оригинальныя статьи, имѣвшія большой успѣхъ въ свое время, но неизвѣстныя намъ теперь вслѣдствіе ихъ анонимности. Большой поклонникъ гуманной, освободительной философіи XVIII в., Даніель Мальтусъ былъ лично знакомъ съ нѣкоторыми изъ своихъ знаменитыхъ современниковъ, между прочимъ съ Юмомъ и Руссо; послѣдній даже сдѣлалъ его своимъ душеприказчикомъ.

Женившись, Мальтусъ-отецъ поселился въ Суррейскомъ графствѣ, близъ Доркинга, гдѣ находилось его небольшое имѣніе въ мѣстечкѣ Рукери. Здѣсь и родился сначала старшій его сынъ, Сайдепгэмъ, а затѣмъ 14 февраля 1766 г. младшій, Томасъ Робертъ, впослѣдствіи авторъ «Опыта о народонаселеніи». Обстановка, въ которой выросъ мальчикъ, была вполне благопріятна для его развитія. Онъ не зналъ бѣдности и лишеній, но въ то же время не былъ избалованъ и большимъ богатствомъ; дѣтство Ро-

берта протекало въ деревнѣ, на лонѣ природы. въ живописнѣйшей мѣстности, въ домѣ обыкновеннаго англійскаго помѣщика средней руки. Окружающіе любили отца Мальтуса, какъ умнаго, любезнаго человѣка, составлявшаго украшеніе прихода, но въ то же время нѣсколько эксцентричнаго, довольствовавшагося обществомъ дѣтей и немногихъ знакомыхъ. Все свое время Даніель Мальтусъ проводилъ или въ своемъ кабинетѣ за книгами, или занимаясь ботаникой и изучая природу. Въ длинные зимніе вечера онъ любилъ сидѣть у камина, мечтая о грядущихъ вѣкахъ и о будущемъ счастьи всего человѣчества. Въ домѣ тогда было тихо и чинно, всякій сидѣлъ за какимъ-нибудь дѣломъ, а съ улицъ доносился только шумъ вѣтра да однообразное карканье грачей...

Въ такихъ условіяхъ и при такомъ отцѣ маленькій Робертъ долженъ былъ рано обнаружить наклонность къ книжнымъ занятіямъ и къ размышленіямъ. Онъ не былъ однако ребенкомъ тихимъ, лимфатическимъ, наклоннымъ къ сидячей жизни, какими обыкновенно бывали примѣрныя, ученые дѣти. Напротивъ, обладая хорошимъ здоровьемъ и веселымъ открытымъ характеромъ, Робертъ любилъ общество и игры, въ которыхъ вмѣстѣ съ его братомъ участвовалъ иногда и Мальтусъ-отецъ. Послѣдній предоставлялъ своимъ дѣтямъ много свободы, и это вытекало у него изъ его общихъ философскихъ и педагогическихъ взглядовъ. Поклонникъ Руссо и всякой «естественности», насквозь проникнутый идеями «Эмиля», Даніель Мальтусъ полагалъ, что извѣстнаго рода *laissez faire*—лучшая система воспитанія. Къ обычному воспитанію въ общественныхъ заведеніяхъ онъ чувствовалъ большое недовѣріе, вынесенное имъ вѣроятно изъ собственнаго опыта, и потому старался дать сыновьямъ образованіе домашнее, самъ направляя ихъ занятія и удовлетворяя ихъ умственной пытливости. Многое однако онъ предоставлялъ ихъ самостоятельности, возлагая большія надежды на внѣшнія условія и естественную любознательность дѣтей.

Въ Робертѣ обнаружились скоро особенныя способности. Тогда, не полагаясь на одніе свои силы, отецъ рѣшилъ поискать ему воспитателя. Онъ вѣрилъ, что дѣти отличаются всѣми тѣми достоинствами и недостатками, какіе были свойственны ихъ родителямъ въ ихъ роды, и потому полагалъ, что для его сына всего полезнѣе будутъ тѣ самые люди, которые оказали и на него въ свое время хорошее вліяніе. Разсуждая такимъ образомъ, Мальтусъ-отецъ остановился на одномъ изъ своихъ старинныхъ зна-

комыхъ, мистеръ Ричардъ Грэвсъ, и въ 1776 г. отправилъ къ нему своего младшаго сына обучаться латинскому языку и хорошимъ манерамъ. Воспитатель десятилѣтняго Роберта или «Донъ-Роберто», какъ его здѣсь стали называть, былъ человѣкомъ старымъ, весьма образованнымъ и авторомъ «Духовнаго Донъ-Кихота», этой очень извѣстной въ свое время, но нѣсколько грубой сатиры противъ религіозныхъ распрей вообще и противъ двухъ англійскихъ теологовъ въ частности. Не имѣя педагогическаго призванія, Грэвсъ повидимому не особенно много вниманія удѣлялъ своимъ воспитанникамъ, которыхъ у него было нѣсколько, а потому не удивительно, что они занимались больше междоусобною бранью, нежели латинскимъ языкомъ; хорошія манеры при этомъ прививались тоже не очень усердно. Отецъ Мальтуса былъ вѣроятно не особенно доволенъ педагогическими пріемами своего стараго друга, потому что счелъ нужнымъ взять сына отъ мистера Грэвса и передать его въ другія руки.

Новымъ воспитателемъ Роберта былъ человѣкъ весьма замѣчательный и довольно извѣстный въ тогдашнемъ англійскомъ обществѣ: Жильбертъ Уэкфильдъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ непокорныхъ священниковъ, которые отказались принять «39 статей», формулировавшихъ впервые при Елизаветѣ основные догматы англійской церкви. Прямкупши къ диссидентамъ, Уэкфильдъ сдѣлался профессоромъ въ Варрингтонской академіи, основанной для того, чтобы давать «либеральное образованіе» дѣтямъ его единовѣрцевъ; сюда же посылали своихъ сыновей и тѣ изъ вѣрныхъ господствующей церкви англичанъ, которые, подобно Даніелю Мальтусу, сами придерживаясь свободныхъ взглядовъ въ вопросахъ религіи, желали и своихъ сыновей воспитывать въ томъ же духѣ. Уэкфильдъ однако былъ очень далекъ отъ дѣйствительнаго религіознаго свободомыслія; отвергнувъ «39 статей», онъ сдѣлался фанатикомъ диссидентства. Описывая своего учителя лѣтъ 20 спустя, Мальтусъ рисуетъ его намъ, какъ человѣка стойкаго и идеально честнаго, неспособнаго идти ни на какіе компромиссы и совершенно безкорыстнаго, въ обществѣ скромнаго и любезнаго, но неумѣреннаго и заносчиваго въ публичныхъ диспутахъ религіознаго характера. Неумѣренностью и грубостью отличалась и его литературная полемика съ Пэномъ, извѣстнымъ представителемъ англійскаго раціонализма, авторомъ сочиненій «Вѣкъ разума» и «Права человѣка». Это не мѣшало Уэкфильду придерживаться очень правильныхъ и трезвыхъ взглядовъ на

воспитаніе. «Величайшая услуга, которую может принести воспитатель молодому человѣку, говаривалъ онъ, это научить его пользоваться своими собственными силами и вести къ знанію постепенно, такъ, чтобы тотъ видѣлъ путь, которымъ онъ идетъ, и наслаждался сознаніемъ своихъ способностей и своихъ успѣховъ. Иначе могутъ выйти только куклы и полужайки».

Если дѣтямъ умственно слабымъ и неспособнымъ подобная система могла оказаться не по плечу, то Мальтусу зато она принесла много пользы. Его независимый и смѣлый умъ, воспитанный деревенской свободой и безсистемными, случайными занятіями у мистера Грэвса, обогатился теперь при умѣломъ содѣйствіи Уэкфильда значительнымъ запасомъ знаній. Правду сказать, судьба удивительно благопріятствовала развитію мальчика. Сами по себѣ оба главные его воспитатели, Уэкфильдъ, сектантъ и религіозный фанатикъ, и Мальтусъ-отецъ, Немного фантастическій послѣдователь французской философіи, не представляли собою примѣровъ для подражанія и были далеки отъ идеала спокойнаго, лишеннаго всякой предвзятости исканія истины. Но кромѣ нѣкотораго фанатизма, ихъ сближало еще глубокое отвращеніе ко всякому духовному гнету надъ несозрѣвшимъ умомъ ихъ воспитанника. Въ этомъ отношеніи они избѣжали ошибки многихъ хорошихъ, честныхъ, но близорукихъ родителей, полагающихъ задачу воспитанія не въ томъ, чтобы только развитъ способности и дать познанія ребенку, но чтобы еще привить ему опредѣленные убѣжденія и заставить смотрѣть на вещи извѣстными глазами. Поэтому въ то время какъ подобные эксперименты кончаются обыкновенно неудачно, или гибельно отзываясь на умственныхъ силахъ воспитываемыхъ, или поселяя раздоръ между ними и воспитателями, въ данномъ случаѣ получилось совершенно иное: юноша Робертъ обогатился не сухимъ, мертвымъ знаніемъ, но богатымъ матеріаломъ для собственныхъ размышленій; онъ научился относиться критически ко всему окружающему и въ то же время сохранилъ глубокое уваженіе къ своимъ воспитателямъ, съ которыми онъ уже тогда расходился въ нѣкоторыхъ взглядахъ.

Изъ рукъ мистера Уэкфильда молодой Мальтусъ перешелъ въ іезуитскую коллегію въ Кэмбриджѣ. Сказавшееся въ этомъ шагѣ рѣшеніе избрать духовную профессію біографы Мальтуса объясняютъ отчасти вліяніемъ Уэкфильда, окончившаго свое образованіе именно въ этомъ заведеніи и устроившаго въ немъ своего воспитанника, отчасти желаніемъ самого юноши пріобрѣсти обезпечен-

ное матеріальное положеніе, въ которомъ Мальтусъ нуждался, потому что, какъ младшій сынъ, онъ не наслѣдовалъ въ имуществѣ отца, перешедшемъ сполна его брату. Надо думать, что на его рѣшеніе не безъ вліянія осталась и хорошая постановка преподаванія въ іезуитской коллегіи. Поступивъ туда въ 1785 г., Мальтусъ съ жаромъ принимается за занятія. Подобно своему отцу, совершенно равнодушный къ наградамъ и одобреніямъ учителей, онъ руководится только своею неутомимою жаждою занятія и своимъ особеннымъ пристрастіемъ въ то время къ языкамъ, къ исторіи и къ изящной литературѣ; не ища ихъ, онъ удостоивается однако наградъ за декламацию, за латинскій и греческій языкъ. Но всего ярче обнаружилась въ коллегіи математическія способности Мальтуса, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его преподавателей, Френдъ, авторъ политическаго трактата «Миръ и союзъ».

Сдавая окончательные экзамены въ коллегіи, Мальтусъ предполагалъ предаться затѣмъ втеченіи двухъ-трехъ лѣтъ научнымъ занятіямъ по имъ самимъ составленному плану. Онъ пишетъ объ этомъ отцу, а тотъ, боясь увидѣть въ сынѣ свою собственную слабость къ чрезчуръ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, предостерегаетъ его отъ увлеченія математикой и абстрактными знаніями; онъ совѣтуетъ Роберту заняться прикладными науками, чтобы сдѣлаться землемѣромъ, механикомъ или мореплавателемъ. Тотъ возражаетъ на это, что прикладныя науки отъ него не уйдутъ, а что въ ближайшіе два года онъ желалъ бы съ позволенія отца заняться «основными принципами»; впоследствии же онъ обѣщаетъ быть скромнымъ натуралистомъ и ознакомиться съ «приложеніями». Все его письмо проникнуто глубокой почтительностью къ отцу, съ которымъ вообще у него были прекрасныя отношенія, несмотря на приключавшіяся отъ времени до времени стычки по отдѣльнымъ вопросамъ. Отецъ около этого времени описываетъ намъ Роберта, какъ пріятнаго собесѣдника, человѣка симпатичнаго, великодушнаго и веселаго. Возвращаясь на каникулы домой, онъ дѣлался тамъ любимцемъ всѣхъ окружающихъ и вносилъ утѣшеніе и радость въ отшельническую жизнь старика Мальтуса.

Послѣ 8—9 лѣтънихъ вмѣсто 2-хъ лѣтънихъ, какъ онъ предполагалъ сначала, усиленныхъ занятій, главнымъ образомъ гуманитарными науками и общественными вопросами, въ 1797 г. Мальтусъ получаетъ степень магистра. Въ томъ же году онъ дѣлается адъюнктъ-профессоромъ въ коллегіи, а затѣмъ занимаетъ мѣсто священника около Альбѣри. Къ этому времени относится и начало